

Аннотация

В триптихе И. Франко “Semper tiro” собственно автор как системная субъектная форма выражения авторского сознания формирует представления о наиболее близкой для поэта сферы жизни и о характере его поэтического видения. Стихотворения “Semper tiro”, “Сонет”, “Моему читателю” – классические образцы субъектной структуры, при которой в лирическом произведении максимально сближаются собственно автор и адресат. Все три анализируемые стихотворения объединены за субъектно-тематическим принципом в наджанровое образование – цикл.

Ключевые слова: собственно автор, субъектная организация, адресат, цикл.

Summary

In the triptych “Semper tiro” by I. Franko the actual author as a systemic subjective form of expressing the author’s mind forms an idea of the most loved poet’s sphere of life and of the nature of his poetic vision. The poems “Semper tiro”, “Sonnet”, and “To My Reader” are classic examples of subjective structure, when in a lyrical work the actual author and the addressee are converging. All the three poems are united by a subjective-matter basis in over-genre formation – a cycle.

Keywords: actual author, subjective organization, addressee, cycle.

УДК 82–1 (470)

Черников И.Н.,

кандидат филологических наук,
Каменец-Подольский национальный университет

ПОЭТИКА ЖАНРА ИСТОРИОСОФСКИХ СИМВОЛИСТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1890–1910-Х ГГ.

Анализ имеющейся литературы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных исследованию конкретных аспектов отдельных произведений Д.С. Мережковского, его творчество изучено недостаточно. Требуется научной разработки проблема природы жанра историософской эпики этого автора. Исследование жанровых форм символистской беллетристики Мережковского, ее структурного своеобразия и ее эволюции на фоне эпохи рубежа столетий – одна из приоритетных задач современного литературоведения. Решению такой задачи и посвящено данное исследование.

Генетический анализ историософских символистских трилогий Мережковского “Христос и Антихрист” и “Царство Зверя”, написанных в 1890–1910-е гг., осуществляется с учетом мнения одного из ведущих отечественных жанрологов Н. Копытянской о том, что “<...> жанротворчими є і змістовні компоненти і формальні у їх взаємодії та взаємозумовленості, що виникають у кожному жанрі по-своєму” [12, 28].

Исторический жанр в русской литературе последней трети XIX в., в “сумрачное время” [5, 32], переживал период сильнейшего упадка. В нем подвизались только второстепенные (Вс. Соловьев, Д. Мордовцев), а и иногда и бульварные (Л. Жданов) авторы. Обобщенное мнение об уровне исторической беллетристики этого периода времени высказал К. Бальмонт в письме В. Брюсову: “<...> исторический роман <...> я считаю формой глубоко фальшивой и

неприемлемой, и поистине не в состоянии даже читать исторические романы <...> я не могу не только внимательно прочесть какой-либо исторический роман, но даже искренне не в силах понять, как у автора было терпение все это написать” [6, 220].

Исторический перелом конца XIX – начала XX века сыграл роль мощного психологического импульса (сделав всеобщим само ожидание перемен во всех сферах жизни в России – в том числе и в литературе) и своего рода внешнего обоснования возникновения новой тенденции внутри литературного процесса. Известный американский славист Эдит Ключ очень верно подметила, что для русской литературы “характерно не только *ожидание*, но даже *желание катастрофы*” (выделено Э. Ключ. – *И. Ч.*) [10, 21]. Своеобразным откликом на кризисные явления в обществе стал обновленный интерес писателей к историческим жанрам [см.: 23, 101–105]. Пальма первенства в возрождении ретроспективной беллетристики в России принадлежит несомненно символистам с их нетрадиционными формами художественного мышления, ассоциативным восприятием действительности, метафорическими решениями в раскрытии сложного состояния мира, стремлением изнутри разрушить каноны старых жанров.

Все эти факторы, пронизывая символистские художественные произведения, обусловили “сопряжение личной и конкретной жизни с Космосом и Логосом”, “мировой жизнью” [17, 16]. Национальную судьбу символисты рассматривали как часть судьбы общечеловеческой, что вызывало к жизни написание многотомных исторических эпопей, выполняемых как цепь глубинных соответствий и аналогий.

Изменяемость аксиологических характеристик исторического романа в разные моменты развития человеческого общества детерминирована тем, что “литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, вековечные тенденции развития литературы. <...> Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе в развитии литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра ... Жанр живет настоящим, но он всегда помнит свое прошлое, свое начало” [3, 178–179].

Первым из символистов, кто обратился к жанру исторического романа, оказался Мережковский, одно из самых сложных и противоречивых явлений в истории русской литературы и эстетической мысли, филологической науки и общественного движения. А. Амфитеатов заметил, что именно Мережковскому русский исторический роман обязан “нынешним своим воскресением и вновь подъемом на весьма значительную высоту” [2, 5]. Нельзя согласиться с М. Цетлиным, утверждавшим, что “Мережковский не обновил его (исторического романа. – *И. Ч.*) форм и методов” и что “в них нет никакой <...> духовности” [22]. Не выдерживает критики и резкое мнение Б. Зайцева: “Настоящим <...> историческим романистом <...> Мережковский не был. Его область – религиозно-философские мудрствования, а не живое воплощение через фантазию и сопереживание. Исторический роман для него – в главном – повод высказывать идеи” [9]. Мережковский стал первопроходцем в жанре историческофской

символистской эпике в русской литературе 1890–1910-х гг. Выдерживая традиционную “логику жанра” [3, 269], Мережковский создает символистский вариант исторического романа-мифа, который оказывает концептуальное влияние на развитие сложного контекста его художественной прозы.

Изображая историю античности, Ренессанса, царствование Петра в трилогии “Христос и Антихрист”, российскую историю начала XIX века в трилогии “Царство Зверя”, он стремился в настоящем извлечь из прошлого уроки, понимаемые в плане символистских духовных исканий. По словам А. Бойчука, “с присутствием в литературе рубежа веков двух трилогий Мережковского может быть связано и самообозначающееся в 1900-х годах повышение статуса исторического жанра” [4, 783]. Мережковский создал собственную систему объяснения истории и индивидуальной судьбы, которая и явилась источником символизма в его романах.

Мережковский – автор историко-символистского романа нового типа, романа историософского, сложившегося в результате того, что в его писательском сознании утвердился способ “*генерализующей символики*”. Романский строй его произведений держится властью символов, которые тяготеют к *всеобъемлющим, вселенским* смыслам <...>” (выделено Л. Колобаевой. – И. Ч.) [11, 447]. В литературу Мережковский вошел прежде всего как создатель историко-символистского романа новаторского типа, особой вариации мировоззренческого “романа мысли”, историософского романа. В подобном определении особенностей жанровой природы исторической беллетристики Мережковского мы исходим из утверждения В. Полонского о том, что “историософский и историко-символистский роман – явления отнюдь не тождественные” [20, 20]. С именем Мережковского, классика “серебряного века”, связан прежде всего жанр историософского романа, который обнаруживает главные составляющие его творческой эволюции под влиянием мифопоэтических факторов.

Подход Мережковского к изображению реальной действительности воспринимается как метаисторический. Его суть не в игнорировании бытия здешнего мира, а в установлении его связей с вечным, метафизическим, вселенским, в “онтологизации” (то есть мифологизации) человека. “Онтологизация” человека в историософской беллетристике Мережковского обуславливала преодоление жесткого детерминизма характера обстоятельствами. Слова современного Мережковскому исследователя, адресованные Ф. Сологубу, целиком можно отнести и к автору “Христа и Антихриста”: “Для него совершенно безразлично, откуда черпать свои сюжеты. Античный ли мир или средневековый, русский или какой-нибудь иной: он всюду свой, но нигде ничей” [8, 437]. Человек становился равновеликим вселенной, поэтому автору было подвластно соединение самых разных сфер и явлений действительности: от текущей политики до перипетий древних мистерий, чему способствовало открытие изоморфизма и синергетизма в мире культуры и мире природы. Прошлое преобразуется в настоящем и будущем, выявляя соответствие и преемственность разных культурных эпох.

При всех существенных связях с реализмом XIX в. восприятие мира у Мережковского – глубоко символистское, предполагающее художественное познание действительности от “realia” к “realiora”. Заостренность историософской идеи в историко-символистских произведениях Мережковского определяет их особый тип историзма, когда художественный вымысел отодвигается на второй план, а на первый выходит реализация авторских концепций, которой подчинены все уровни текста и чем обуславливается обилие философских и исторических цитат, интеллектуальных споров. Подчиненность текста историософской идее позволяет говорить о философском историзме, свойственном этой разновидности жанра.

Историософские историко-символистские произведения осмысливали историю философски; они и возникли именно как принципиальное стремление выразить авторскую историософскую позицию, реализовать потенциал философского историзма. В рамках одного “неомифологического” произведения Мережковского с его гетерогенностью и жанровым синкретизмом могут сочетаться черты разных его жанровых модификаций. Историософские произведения Мережковского синтезируют исторический роман с философскими веяниями времени, опираясь при этом на конкретно-историческое содержание. Происходит выход за пределы изображения отдельной эпохи или события, произведение поднимается до уровня метаистории или философии истории. Авторская историософия наполняет историзм иным содержанием, которое обретает смысл лишь в соотношении с авторской концепцией. Одним из средств воплощения авторских воззрений становятся цитаты.

По большому счету, историософская символистская беллетристика Мережковского – попытка восстановить связь времен, создать портреты целых эпох, в которые вписываются бурные и насыщенные событиями человеческие жизни: “В силу того, что ‘историческое есть некоторый род символического’, произведения исторического жанра как бы передают символическую ‘энергию’ изображенного в них первособытия в современности” [1, 319]. Мережковский прекрасно ощущал поворотность собственной эпохи и именно такого рода временные отрезки выбирал для описаний, отрезки с неведомыми ранее конфликтами, противоречиями и страстями.

Для Мережковского, как и для большинства символистов, работавших в историческом жанре, история тесно связана с современностью, они как бы взаимопроникают; иногда на историческом материале решаются отдельные проблемы современности, история становится ключом к познанию действительности. Так, например, “период с 1905 по 1907 год в русской жизни, по Мережковскому, отмечен доминированием не только общественного радикализма, но и ‘радикализма’ (то есть догматизма) в мышлении, восприятии. Возвращение к ‘вечным спутникам’ – это для Мережковского возвращение от узконациональных (в том числе мессианских) и поэтому ‘мещанских’ представлений к подлинной широте и свободе мысли” [19, 28]. История для Мережковского – это история культуры, поданная в символистско-мифологическом ключе.

По мнению З. Минц, главным героем трилогии Мережковского “Христос и Антихрист” является историософская идея, исследовательница предложила рассматривать части цикла как “романы мысли”, как шаг на пути “к ‘концептуальному’ роману XX века”. Вклад Мережковского в разработку романного жанра, по мнению З. Минц, состоит в том, что он первый “соединил универсализм символистской картины мира с интересом к истории” [16, 227, 240]. Эти жанровые качества конституируют, по ее логике мысли, своеобразие психологизма и стиля трилогии Мережковского “Христос и Антихрист” [см.: 15, 16]. Герои историко-символистской беллетристики Мережковского, императоры, герои, выдающиеся личности, – носители историософских идей, они стремятся выразить надличностную правду, Истину, и потому лишены психологической теплоты и глубины индивидуального “Я”.

Современная эстонская исследовательница Леа Пильд полагает, что “одной из основных характеристик поэтики произведений Мережковского 1890-х гг. является сопряжённость жанра с темой <...>. Аналитическое расчленение точек зрения на современную действительность и её культурную перспективу, которые отражаются в жанровой структуре прозаического <...> творчества Мережковского 1890-х гг., во многом обусловлено его внутренним несогласием с эстетическими установками других ведущих представителей нового искусства, в частности, символистов круга “Северного вестника” [19, 25]. Но в романах Мережковского проявляются не все особенности поэтики символистских романов. Например, сознание главного героя у него не управляет особенностями художественного пространства и времени.

Циклы историко-символистских произведений “Христос и Антихрист”, “Царство Зверя” входят в еще более общий контекст, в еще более широкий цикл мировой истории с его движением к “Троице, пришествию Духа и Третьего Царства, или Завета” [7, 247]. Любое последующее произведение несет в себе элементы прошлых и зачатки новых, становящихся фундаментом для последующих. По мнению авторитетной английской исследовательницы русского символизма Аврил Пайман, “связующие звенья между романами (Мережковского. – И. Ч.) – не рационально осознанные связи причинно-следственного типа, а связи живописные, музыкальные и поэтические” [18, 119]. Отдельные части историософских символистских трилогий Мережковского, с одной стороны, вполне самостоятельны, с другой, – в своей целостности углубляют восприятие каждой в отдельности.

Цикличность историософских произведений Мережковского Л. Колобаева называет “одним из <...> основополагающих принципов <...> художественного мышления” писателя, замечая, что “можно говорить о намеренной установке Мережковского на контекст, на прочтение его произведений в составе большого целого – не только романа, но цикла, трилогии, даже творчества целиком” [11, 445, 451]. Более поздние по времени создания историко-символистские произведения Мережковского развивают идеи и темы предыдущих. Например, трилогия “Царство Зверя” продолжает мотив антихристианства, Антихриста в иных ипостасях – императорской власти и ее ниспровержения.

Историко-символистская историософская беллетристика Мережковского по своей структуре имеют в наличии разные “этажи” бытия, постоянно соотносимые друг с другом, друг другом оцениваемые и измеряемые. Труд сопряжения этих слоев в единое целое составляет художественное напряжение этих произведений. Историософские произведения Мережковского 1890–1910-х гг. демонстрируют осуществление метафизических универсалий в судьбах конкретных героев в мифологизированной автором исторической динамике. Это противоречивое жанровое образование можно рассматривать как единый текст. Эту мысль декларировал и сам писатель: “Это звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна – об одном” [13, т. 1, V]. Произведения разных жанров Мережковский воспринимает как феномен единого мифопоэтического гипертекста. Анализ жанровой динамики историософской беллетристики писателя с точки зрения мифопоэтизации текста, показывает, что, мифологизируя жанр исторического романа, Мережковский преодолевал рамки чистой словесности и реставрировал сущностные архетипические формы.

Интертекстуальность – одна из важнейших составляющих поэтики историософских символистских циклов Мережковского 1890–1910-х гг., которые можно рассматривать как многосоставные в жанровом отношении тексты, в которых многочисленные цитаты из разнородных в жанровом отношении произведений европейских и русских авторов моделируют многоярусное, плюралистическое отношение к миру: “Мережковский всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя <...>. В этом его *уроднении* с чужими идеями есть великодушие” (выделено В. Розановым. – *И. Ч.*) [21, 46].

Н. Минский назвал Мережковского “тайновидцем книжных цитат”. Критики-современники отмечали, что “почти каждое переживание героев Мережковского сопровождается той или иной цитатой, – и часто герои эти являются только для того, чтобы выразить собою ту или иную полюбившуюся автору цитату” [14, 144].

Подчас “чужое” слово в художественно-историософских произведениях Мережковского приобретает более высокий ценностный статус, чем слово авторское. Вышесказанное свидетельствует о том, что Мережковский пытался расширить рамки жанра романа, искал возможности нового синтеза искусств, используя, в том числе, вставные новеллы, дневники. Мир исторической прозы Мережковского – образец неоднородного, “множественного” постижения действительности, синтетическое объединение разных сфер реальности: “Мережковский пытается превратить текст в многосоставное жанровое образование, объединяющее в себе аналитический и собственно-художественные пласты. Структура последнего достаточно сложна: она включает в себя, в частности, различные формы ‘чужого слова’ <...>” [19, 18]. Широко известна такая особенность поэтики Мережковского как использование им в своих творениях – в качестве “строительного материала” – цитат, реминисценций, аллюзий из многочисленных источников, как художественных, так и нехудожественных.

Таким образом, анализ жанровой природы трилогий Мережковского “Христос и Антихрист” и “Царство Зверя” позволяет прийти к следующим выводам: 1) в 1890–1910-ые гг. Мережковскому удалось создать символистский вариант историософского романа; 2) историософские символистские трилогии Мережковского рубежа веков демонстрируют, благодаря изоморфизму, соединение разных временных пластов и явлений действительности; 3) символистская двуплановость историософских текстов претворяется автором “Петра и Алексея” в соположенность быта и бытия.

Литература

1. Алленов М. М. Тексты о текстах / М. М. Алленов. – М. : НЛО, 2003. – 400 с.
2. Амфитеатров А. О русском историческом романе (по поводу романов М. Алданова “Девятое термидора” и “Святая Елена, маленький остров” / А. В. Амфитеатров // За свободу!. – Варшава, 1925. – 27 сентября. – С. 5.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 3-е. – М. : Художественная литература, 1972. – 470 с.
4. Бойчук А. Г. Дмитрий Мережковский // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.) : в 2 кн. / А. Г. Бойчук. – М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2001. – Кн. 1. – С. 779–851.
5. Брюсов В. Я. Дневники : 1891–1910 / В. Я. Брюсов ; [приготовила к печати И. М. Брюсова, примечания Н. С. Ашукина]. – М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. – 204 с.
6. Валерий Брюсов и его корреспонденты : в 2 кн. / [ответственный ред. Н. А. Трифонов] // Литературное наследство. – М. : Наука, 1991–1992. – Т. 98. – Кн. 1, 2.
7. Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский / З. Н. Гиппиус. – Париж : Ymca-Press, 1951. – 310 с.
8. Долинин А. С. Отрешенный (к типологии творчества Федора Сологуба) / А. С. Долинин // Долинин А. С. Достоевский и другие : статьи и исследования о русской классической литературе. – Л. : Художественная литература, 1989. – С. 419–451.
9. Зайцев Б. Памяти Мережковского : 100 лет [Электронный ресурс] / Б. К. Зайцев // Режим доступа : http://russianway.rchgi.spb.ru/Merezhkovsky/40_zaits.pdf.
10. Ключ Э. Ницше в России : революция морального сознания / Э. Ключ. – СПб. : Академический проект, 1999. – 240 с.
11. Колобаева Л. А. Мережковский-романист / Л. А. Колобаева // Известия АН СССР : серия литературы и языка. – 1991. – Т. 50. – № 5. – С. 445–453.
12. Копистянська Н. Х. Жанр, жанрова система у просторі літературознавства : [монографія] / Н. Х. Копистянська. – Львів : ПАІС, 2005. – 368 с.
13. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений : в 24 тт. / Д. С. Мережковский. – М. : И. Д. Сытин, 1914. – Т. 1–24.
14. Мережковский : pro et contra : личность и творчество Д. С. Мережковского в оценке современников. – М. : Русский христианский гуманитарный институт, 2001. – 568 с.
15. Минц З. Г. О трилогии Д. С. Мережковского “Христос и Антихрист” / З. Г. Минц // Мережковский Д. С. Христос и Антихрист : [трилогия]. – М., 1989. – Т. 1. – С. 5–26.
16. Минц З. Г. Поэтика русского символизма / З. Г. Минц. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – 480 с.
17. Орлов В. Н. Перепутья : из истории русской поэзии начала XX века / В. Н. Орлов. – М. : Художественная литература, 1976. – 367 с.
18. Пайман А. История русского символизма / А. Пайман. – М. : Республика, 2002. – 415 с.
19. Пильд Л. Мережковский и Тургенев : [Мережковский как критик] / Леа Пильд // Русская литература. – 1998. – № 1. – С. 16–34.
20. Полонский В. В. Мифопоэтические аспекты жанровой эволюции в русской литературе конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... доктора филол. наук / В. В. Полонский. – М., 2008. – 43 с.

21. Розанов В. В. Уединенное / В. В. Розанов. – М. : ИПЛ, 1990. – 543 с.
22. Цетлин М. Д. С. Мережковский (1865–1941) [Электронный ресурс] / М. О. Цетлин // Режим доступа : <http://russianway.rchgi.spb.ru/Merezhkovsky/cetlin.html>.
23. Krakauer S. The mass ornament : Weimar essays / S. Krakauer. – Cambridge/London : Harvard U.P., 1995. – 385 p.

Аннотация

В статье анализируются особенности жанровой природы историософских символистских произведений Д.С. Мережковского 1890–1910-х гг. Отмечается, что в трилогиях “Христос и Антихрист” и “Царство Зверя” их автору удалось дать образцы новых жанровых образований – историософских символистских романов и драм, которые продемонстрировали сменяемость аксиологических характеристик ретроспективных произведений на рубеже столетий. Историософские произведения Мережковского синтезируют исторический роман с философскими веяниями времени, опираясь при этом на конкретно-историческое содержание.

Ключевые слова: жанр, Д.С. Мережковский, историософский символистский роман.

Анотація

У статті аналізуються особливості жанрової природи історіософських символістських творів Д.С. Мережковського 1890–1910-х рр. Відзначається, що в трилогіях “Христос та Антихрист” та “Царство Звіра” їх автору вдалося надати зразки нових жанрових утворень – історіософських символістських романів та драм, які продемонстрували змінність аксіологічних характеристик ретроспективних творів на межі століть. Історіософські твори Мережковського синтезують історичний роман та драму із філософськими віяннями часу, спираючись при цьому на конкретно-історичний зміст.

Ключові слова: жанр, Д.С. Мережковський, історіософський символістський роман.

Summary

The article analyses the peculiarities of D.S. Merezhkovsky's 1890–1910-s historiosophic Symbolist works' genre nature. It is marked that in the “Christ and Antichrist” and “Realm of the Beast”) trilogies their author managed to give examples of new genre formations – historiosophic Symbolist novels and dramas which have demonstrated the changeability of the turn-of-the-century retrospective works' axiological characteristics. The historiosophic works of Merezhkovsky are synthesizing the historical novel with philosophical trends of the corresponding times, basing on the specific historical contents.

Keywords: genre, D.S. Merezhkovsky, historiosophic Symbolist novel.

УДК 82.09

Скороходько Ю.С.,

аспірант,

Таврический национальный университет

им. В.И. Вернадского

КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСНОВЫ АНГЛИЙСКОГО НЕОВИКТОРИАНСКОГО РОМАНА

“Следует помнить, что я викторианец и что викторианское дерево может принести только викторианские плоды” – эти слова Джеймса Монтегю Родса, английского историка и писателя конца XIX–начала XX века, ставшие эпиграфом к